

ЯЗЫК

Авторы: Н. Д. Арутюнова

ЯЗЫ́К, естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облечённых в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации (см. [Функции языка](#)). Я. в одно и то же время – условие развития и продукт человеческой культуры. «Язык есть всегда столько же цель, сколько средство, настолько же создаётся, насколько употребляется» (А. А. [Потебня](#)). Владение Я. составляет неотъемлемую черту человека, а возникновение Я. совпадает с временем формирования *Homo sapiens*.

Естественность возникновения и развития, а также безграничность области приложения и возможностей выражения отличает Я. от т. н. [искусственных языков](#), при помощи которых фиксируются определённые системы знаний (ср. язык логики, математики, химии и пр.), и от разл. систем сигнализации, созданных на основе Я. (азбука Морзе, знаки уличного движения, мор. сигнализация и др.). В отличие от них, Я. человека иногда называют естественным Я. (natural language). Способность выражать отвлечённые категории мышления (понятие, суждение) и обусловленное ею наличие дискретных и иерархически организованных значимых единиц, комбинации которых создают новые смыслы, отличает Я. от т. н. языка животных – набора сигналов, передающих реакции на ситуации и регулирующих поведение животных в определённых условиях.

Существующие и существовавшие конкретные естеств. Я. (их предположительно от 2,5 до 5 тыс.) – это многочисл. реализации свойств Я. вообще. Число Я. варьируется в зависимости от различий, проводимых между самостоятельными Я. и их [диалектами](#). Общность Я. составляет одну из черт, определяющих единство нации и этнич. групп. В конкретных («этнических») языках выделяются универсальные и национально-специфич. («идиоэтнические») признаки. К числу универсальных относятся те свойства Я., которые соответствуют общечеловеческим формам мышления и нормам коммуникативной деятельности. Универсальны и те признаки, которые позволяют Я. осуществлять его назначение (наличие различит. элементов формы и значения, дискретность). Эти признаки всегда, но в разной степени учитываются описанием Я., в частности структурой [грамматик](#). К числу национально-специфических относятся особенности звукового состава, способы организации и выражения значимых единиц. Близость материального инвентаря, обусловленная общностью происхождения, объединяет языки в генетич. группы или семьи (см. [Семья языков](#), [Классификация языков](#)). Совпадение структурных черт объединяет языки в типы (ср. [флективные языки](#), [агглютинативные языки](#), [инкорпорирующие языки](#) и др.; см. также [Типологическая классификация языков](#)). Структурная и материальная общность, возникшая в результате [контактов языковых](#), сосуществующих в одном ареале, объединяет языки в [языковые союзы](#).

Различаются 2 формы существования Я., соответствующие понятиям «Я.» (код, система знаков) и «речь» ([речевая деятельность](#), [текст](#), [дискурс](#)). И в качестве кода, и в своей речевой реализации Я. обладает лишь ему свойственными чертами, делающими его уникальным (многоплановым, полифункциональным и противоречивым) феноменом.

У Я. много предназначений. Я. формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию – повседневную и долгосрочную, обслуживает социальные акции, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, ориентирует человека в окружающей его действительности, хранит историч. и культурную память народов, выполняет эстетич. функцию. Я. служит источником знаний о человеке и его мире. Различие целей требует различных, а иногда противоречащих друг другу средств. Так, практич. назначение Я., нуждающееся в простых и недвусмысленных значениях, сталкивается с его эстетич. и когнитивными задачами, для выполнения которых необходимы смысловые нюансы. Наиболее существенное противоречие, которое должен разрешить Я. в процессе своего функционирования, определяется его взаимодействием со структурой мышления, с одной стороны, и ситуациями жизни – с другой. Связь с мышлением логически упорядочивает структуру высказываний, вхождение в стихию жизни требует прагматич. регламентации речи. Речевая деятельность должна удовлетворять социальным конвенциям, к числу которых относятся принцип сотрудничества, условие искренности, требование ясности выражения, информативная адекватность ситуации речи и др. (см. Прагматика). Речевые конвенции национально и социально специфичны.

Знаковая (семиологич., или семиотическая) природа Я. предполагает наличие в нём чувственно воспринимаемой формы (плана выражения) и значения, смысла (плана содержания). Звуковая материя – осн. и первичная форма выражения смысла. Существующие виды письменности в разл. степени адекватно соотносят звуковую форму с тем, что воспринимается зрительно и/или тактильно. Идеографич. письмо, фиксирующее значения (а не звуки), так же, как и др. виды письменности (силлабическая, алфавитная), исторически вторично по отношению к звуковому выражению и воспроизводит характерное для него членение и объединение значений. Поскольку звуковая речь развёртывается во времени, она обладает признаком линейности, который обычно сохраняется и в формах письменности.

Способность соотносить звук и значение – главнейшая характеристика Я. Она лежит в основе его дефиниций, различающихся гл. обр. интерпретацией плана содержания, ассоциируемого с духом (нем. Geist), мыслью, психикой, опытом, сознанием и др. С точки зрения К. В. фон Гумбольдта, «язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли». Х. Штейнталь определял Я. как «выражение осознанных внутренних, психических и духовных, движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». А. А. Потебня считал, что «понятие языка исчерпывается известного рода сочетанием членораздельного звука и мысли». К. С. Аксаков характеризовал Я. как «одухотворённый звук». Г. Остхоф и К. Бругман говорили о Я. как о «психофизич. механизме». Ф. Ф. Фортунатов определял Я. как «совокупность знаков... для мысли и для выражения мысли в речи». Н. В. Крушевский писал: «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка». С точки зрения И. А. Бодуэна де Куртенэ, «собственно языковое – это способ, каким звуковая сторона связана с психическим содержанием». Э. Сепир утверждал, что «сущность языка заключается в отнесении условных, произвольно артикулированных звуков или их эквивалентов к различным элементам опыта». Ф. де Соссюр видел в Я. (как предмете языкознания) «систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причём оба эти компонента знака в равной мере психичны». Л. Ельмслев рассматривал Я. как «инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент,

посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него».

Вопрос о том, заданы ли отношения между сторонами знака языкового природой или установлением (законом, договором, обычаем), был кардинальным для античной философии. Сторонники естеств. происхождения Я. (к этой точке зрения склонялся и Платон) искали в звуковом составе слова «идею или образ вещи». Сторонники второй концепции (Демокрит, Аристотель, софисты, представители александрийской школы; см. также Античная языковедческая традиция) считали Я. искусств. образованием, а отношения между сторонами знака – произвольными (немотивированными). Хотя в языках имеется фонд звукоподражательных слов (явление ониматопеи: рус. «кукушка», «мяукать»; англ. cuckoo, mew; итал. cuculo, miagolare; исп. cuso, cuculillo, maullar; см. Звукоподражание), а также звукосимволизм, ассоциирующий с тем или иным звуком определённую гамму смыслов, отношения между сторонами знака применительно к существующим Я. рассматриваются как конвенциональные, а следовательно, обязательные для членов языковых общностей. Этот тезис стал основополагающим для семиологич. концепции Ф. де Соссюра. Положение о произвольности языкового знака не противоречит теории естеств. происхождения языка.

Семиотич. характер Я. предполагает, что он организован принципом различительности образующих его знаков, т. е. различию означающих соответствует разница в значении, и наоборот. Естеств. Я., с одной стороны, допускают варьирование звуков, не влекущее за собой изменения значения, а с другой – изменение значения, не сопровождаемое изменением формы. С. О. Карцевский назвал это явление асимметричным дуализмом языкового знака. Он писал: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по "наклонной плоскости реального". Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него его партнёром, обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны». Асимметричный дуализм языкового знака есть следствие закономерностей развития языка. Я. изменяется только при его реализации в речи. При этом существенную роль играет позиция, занимаемая знаком в ряду др. знаковых единиц. Различие означающих одного знака может принимать форму аллофонии – позиционного варьирования звука в составе одной морфемы (ср. «друг» и «друзья»), гетерофонии – свободного варьирования звуков одного знака (ср. «шкаф» и «шкaп», «Петроград» и «Новгород», «градоначальник» и «городовой»), супплетивизма – использования разных означающих в разных формах одного слова («иду» – «шёл», «человек» – «люди») и др. Различие означаемых при совпадении означающих может принимать форму полисемии (ср. «белок» глаза и «белок» яйца), омофонии – совпадения звучания отд. форм разных слов (ср. «луг» и «лук»; см. Омофоны), омонимии («лук» – растение и «лук» – приспособление для стрельбы стрелами) и др. Такого рода явления затрудняют идентификацию значимых единиц языка. Чтобы избежать их умножения, выделяются единицы более высоких уровней абстракции [ср. звук и звукотип, фонема и морфонема (см. Морфонология), слово и лексема]. Вследствие асимметрии плана выражения и плана содержания Я. не может быть описан в терминах глобального знака. Этой цели служат функциональные единицы языка, распределённые по разным планам и уровням.

В большинстве Я. в плане выражения выделяется следующий ряд единиц: фонема (или звукотип), в которой слиты акустич. черты (дифференциальные признаки фонемы) благодаря одновременности (симультанности) произнесения; слог, объединяющий звуки выдохательным толчком; фонетич. слово, группирующее слоги под одним ударением; речевой такт, объединяющий фонетич. слова при помощи отграничит. пауз; фонетич. фраза, суммирующая такты единством интонации. Каждая единица формируется дополнительными

(суперсегментными, просодич.) чертами (см. [Суперсегментные единицы языка](#), [Просодические средства языка](#)). Наряду с иерархич. системой звуковых единиц, выделяется система знаковых (двусторонних) единиц, образуемая морфемой, словом, [словосочетанием](#) и [предложением](#). Границы звуковых и значимых единиц соотносительны, но не обязательно совпадают (так, во флективных языках слог редко совпадает с морфемой). Не одинакова и глубина членимости речи на звуковые и значимые единицы. И. А. Бодуэн де Куртенэ различал членение речи с точки зрения фонетической, произносительно-слуховой и отличное от него членение высказывания на семасиологически-морфологич. единицы. Позднее это явление было названо принципом двойного членения (А. [Мартине](#)). То, что пределом сегментации звуковой стороны речи является звук (фонема), лишённый самостоят. значения, обеспечивает возможность создания бесконечного числа значимых единиц из конечного и очень небольшого инвентаря исходных элементов.

Совокупность единиц Я. образует его структуру, состоящую из ряда уровней (см. [Уровни языка](#)): фонологического, морфологического, лексемного, синтаксического. Они соответствуют осн. разделам науки о Я. [Высказывание](#), будучи коммуникативной единицей, принадлежит др. форме существования Я. – речи – и в систему уровней обычно не вводится (Э. [Бенвенист](#)). Единицы более низкого уровня выполняют различит. функцию на более высоком уровне: фонема дифференцирует морфемы, морфема – слова, слово – словосочетания, словосочетание – предложения. Единицы каждого уровня организованы системными отношениями. При минимальности различий формы или значения единицы Я. образуют [оппозиции языковые](#) по тому или др. дифференциальному признаку. Противопоставленные единицы находятся между собой в парадигматич. отношениях, основанных на их способности к различению в одной и той же позиции (см. [Парадигматика](#)). Между единицами каждого уровня существуют также синтагматич. отношения, или отношения по смежности (см. [Синтагматика](#)), основанные на их способности к сочетаемости ([валентности](#)). Парадигматич. и синтагматич. отношения соответствуют двум осн. принципам построения речи – выбору элементов Я. для выражения заданного содержания и их комбинации.

Значимые единицы большей или меньшей степени сложности (морфемы, слова, словосочетания) не выполняют сами по себе коммуникативного задания, но приспособлены к тому, чтобы, входя между собой в разл. комбинации и приобретая просодич. характеристики, создавать высказывание – осн. коммуникативную единицу речи. Из конечного списка исходных единиц (словаря) может быть образовано бесконечное множество высказываний. Я. обладает спец. механизмами актуализации – формирования конкретных сообщений из абстрактного языкового кода; ср. правила [референции](#), т. е. отнесения имён к объектам действительности, правила [актуального членения предложения](#), создающего коммуникативную перспективу высказывания, правила адаптации сообщения к ситуации речи (выбор личных [местоимений](#), показателей [времени](#)), правила [просодии](#) и др. Благодаря действию этих механизмов «старый» Я. может прилагаться всякий раз к новой действительности.

Сущность Я. определяется, т. о., не только отношением между сторонами языкового знака (шире – планом выражения и планом содержания), но и отношением знака – его означающего и/или означаемого – к некоторому миру – реальному или идеальному. Осн. онтологич. вопрос, который встаёт в связи с этим, касается существования объектов, имплицитруемых языковыми знаками, в частности способности Я. отображать не только реальный, но и фиктивный (мифич.) мир. Осн. эпистемич. вопрос касается роли Я. в познании действительности: адекватности языковых значений свойствам объектов, в частности их классификации (проблема отношений

между значением и понятием) и соответствия высказывания положению дел (проблема истинности). В античной философии отношения между сторонами языкового знака и отношение знака к действительности рассматривались совместно: «правильность» слова (соответствие [логоса](#) истине) ставилась в зависимость от его смысловой мотивированности через звучание или [этимологию](#). Соответственно этому оценивалась и роль Я. в познании. Если именование подражает природе вещи (или к.-л. её грани), то природа вещи постигаема через имя, а знание берёт своё начало в языковом опыте мира: имена вещей сами заявляют о себе человеческому сознанию. «Кто знает имена, тот знает и вещи», сказано в «Кратиле». В этом и некоторых др. диалогах Платона в центре внимания находятся имена индивидуальных объектов (богов, героев, солнца, луны, времён года и т. п.) и отвлечённых понятий, таких как «разум», «справедливость», «истина», «добро». И в том и в др. случае речь идёт преим. о признаке, мотивировавшем [номинацию](#), т. е. о предполагаемом этимологич. значении слова (его «внутр. форме»; см. [Внутренняя форма слова](#)). Моделью анализа служит, т. о., ситуация присвоения индивиду имени, производимого не по случайно выбранной различит. черте (акциденции), а в соответствии с сущностью объекта, бытие которого в мире предзадано. Этимологич. (палеонтологич.) подход к значению уравнивал индивидуальные и общие имена. Внутр. форма индивидуальных имён получала статус значения общего имени, а общие имена анализировались по модели имён индивидов, поскольку предполагалось, что соответствующие объекты не только существуют, но их суть ведома дающему имя (знающему законодателю, присвоителю, учредителю имён). Если согласованность между именем и его носителем отсутствует или вызывает сомнение, то, как сказано в «Кратиле», «не из имён нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих».

Античная философия неслучайно сосредоточила своё внимание преим. на именах. В контексте речи имена способны одновременно относить предмет к некоторому классу и выделять его из класса. Различие функций – таксономия объектов и идентификация предмета речи – делает особенно сложной и противоречивой семантич. структуру имён. Особый статус имён в Я. – их функциональная двойственность, неустойчивость их значения, спорадич. актуализация их внутр. формы, тесная (интимная) связь индивидуального имени с его носителем – всё это постоянно привлекало к ним внимание лингвистов и философов (работы С. Н. [Булгакова](#), П. А. [Флоренского](#), А. Ф. [Посева](#), Г. Г. [Шпета](#) и др.). С их именами связаны многочисл. гносеологич. концепции.

Разные версии двух подходов к роли Я. в познании, обсуждавшиеся в античной философии, сменяли друг друга в последующие эпохи, причём первый был представлен преим. школами с субъективными и иррационалистич. тенденциями, а второй – [рационализмом](#) и объективизмом. Субъективисты искали в Я. опору на пути к истине (или категориям бытия), рационалисты видели в нём помеху на пути к формированию науч. знания. Первый подход способствовал развитию эстетич. концепций Я. (Б. [Кроче](#), К. [Фосслер](#), Л. [Шпитцер](#)), второй – инструментальных.

В ср.-век. схоластич. философии (см. [Схоластика](#)) в фокус внимания вошли имена классов объектов. В споре между номиналистами и реалистами (см. [Номинализм](#), [Реализм](#) в философии) была поставлена онтологич. проблема природы универсалий. Реалисты полагали, что наряду с индивидами существуют классы объектов, обозначаемые общими именами, номиналисты же считали, что только индивидуальные объекты могут обладать бытием (существованием), независимым от их наименования, тогда как бытие общих понятий (универсалий) и соответственно классов объектов фиктивно и представляет собой проекцию на предметный мир ментальных категорий. Т. о., была поставлена проблема существования в применении к идеальным категориям, абстракциям.

Рационалисты 17 в. (Т. [Гоббс](#), Дж. [Локк](#) и др.) чётко разграничили принципы образования естественно-языкового и науч. знания. Подчёркивалось, что мн. слова естеств. Я. непригодны для выражения логич. понятий вследствие неопределённости и метафоричности их значений, расширяемых не путём объединения видов в роды, а методом переноса имени с одной категории объектов на другую по случайным признакам (сходству или смежности). Р. [Декарт](#) выдвинул идею создания особого Я. разума, свободного от двусмысленности. Г. В. [Лейбниц](#) сделал попытку построения рационального Я. (*lingua mentalis*), который, исходя из точно определённых первоэлементов, выводил бы целостную систему понятий, отображающих структуру Вселенной. В 19–20 вв. аналогичные тенденции прослеживаются в т. н. [аналитической философии](#) (Г. [Фреге](#), Р. [Карнап](#), Б. [Рассел](#) и др.), поставившей задачу логич. анализа языка науки, в частности условий истинности суждений. В качестве одного из них была сформулирована презумпция существования объектов, обозначаемых собств. именами (сингулярными термами) и их эквивалентами – определёнными дескрипциями. Необходимость участия обыденных слов в формировании и формулировании науч. концепций приводила философов-субъективистов к выводу о недоступности человеку истины. Ф. [Ницше](#), напр., считал, что Я. «обозначает только отношения вещей к людям», вследствие чего их суть сокрыта от человека.

В языкознании филос. дискуссия о роли Я. в познании, а также необходимость выработки собств. исследовательского аппарата имели своим следствием размежевание лингвистич. и логич. категорий (значения слова и понятия, предложения и суждения, [подлежащего](#) и [субъекта](#), [дополнения](#) и [объекта](#), [сказуемого](#) и [предиката](#) и др.) и обоснование различий между обиходными словами и терминами (см. [Терминология](#)).

Исследователи антропоцентрич. ориентации ищут в значениях слов не логич. понятия (и не единицы языковой [семантики](#)), а аналоги категорий человеческого сознания, представляющие самостоят. ценность. Языковые данные, объективируя психич. категории, позволяют анализировать сознание одновременно изнутри и извне. Я. при таком подходе – не просто пассивное средство выражения значений, он формирует и сосредоточивает в себе духовный опыт людей. «Язык насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» (К. В. фон Гумбольдт). Выполняя роль посредника между человеком и миром, Я. во многом предопределяет восприятие действительности (ср. различия в сегментации цветового спектра в разных языках). Языковые значения, осложнённые мифологич., культурно-историч., ценностными и бытовыми (относящимися к повседневному опыту) ассоциациями, структурируют сознание людей, влияя на их личное и социальное поведение. Я. непосредственно включён в контекст жизни. Инструментальная функция Я. дополняется активной: Я. не только средство коммуникации, он способен выступать как её субъект.

Идея активной роли Я. в концептуализации действительности высказывалась мн. лингвистами и философами. К. В. фон Гумбольдт рассматривал «взидение» Я. как миропонимание, взидение мира (*Sprachansicht als Weltansicht*), подчёркивая, что каждый конкретный Я., порожаемый энергией человеческого духа, создаёт особую – целостную и индивидуальную – модель действительности. Э. Сепир и Б. Л. Уорф акцентировали роль Я. в членении смыслового континуума и его воздействие на восприятие действительности. Аналогичные мысли высказывались в [неогумбольдтианстве](#) (особенно И. Л. [Вайсгербером](#)), [этнолингвистике](#), контенсивной типологии, [когнитивной психологии](#). Ряд филос. школ 20–21 вв. [[феноменология](#), [экзистенциализм](#), аналитич. философия, лингвистич. философия (см. в статьях [Речевой акт](#), [Речь](#)) и некоторые др.] предприняли попытку осмысления феномена Я. под когнитивным углом зрения. Согласно системе феноменологии Э. [Гуссерля](#), Я. представляет собой одно из осн. средств формирования «жизненного мира» (*Lebenswelt*) – непосредственно

очевидной «пред-данности», устойчивых мнений, выражающих первичное знание. В близкой к экзистенциализму [герменевтике](#), цель которой – интерпретировать «текст» бытия, Я. определяется как опыт мира, предвещающий то, что человек познаёт и высказывает. «Бытие, которое может быть познано, есть язык» (Х. Г. [Гадамер](#)). Особенно велика роль Я. в экзистенциальной философии М. [Хайдеггера](#). Хайдеггер различал Я. как технику, общедоступную систему знаков, выражающую дискурсивное мышление, и Я. как уникальное событие, смысл которого неисчерпаем. Я. в этом 2-м значении автономен по отношению к человеку. Хайдеггер определяет Я. как «дом бытия», его единственное хранилище. Чтобы вернуть изначальное, предшествовавшее рациональному сознанию, целостное бытие, истину, человек должен вслушиваться в то, что говорит ему Я. в произведениях поэтов. Даваемое Я. знание имеет иррациональную, эстетич. природу. Технизация Я. ведёт к его омертвлению.

С др. стороны, экзистенциализм переключил внимание с социального подхода к Я. на личностный и межличностный. «Язык с самого начала предполагает отношение к другому субъекту» (Ж. П. [Сартр](#)). М. Хайдеггер определял личность через Я.: «Я есть то, что я говорю». Семиологич. подход к Я. был, т. о., распространён на человеческую личность. В дополнение к пониманию Я. как социального феномена и воплощения коллективного сознания была выдвинута теория Я. как средства реализации субъективного начала человека и межличностных отношений (Э. Бенвенист).

В лингвистич. философии, или «философии обыденного Я.», базирующейся на идеях Дж. Э. Мура (Великобритания) и позднего Л. [Витгенштейна](#), анализ филос. понятий был приравнен к анализу значений соответствующих слов. Значение же слова определялось как его употребление. Тем самым в концептуальный анализ был введён коммуникативный аспект речи. Так, напр., реконструкция аксиологич. понятий (этич., эстетич., утилитарных), модальности долженствования и др. (т. н. анализ Я. морали) учитывала не только семантику оценочных слов, но и прагматику их употребления (А. [Айер](#), Ч. Стивенсон, Р. Хэар и др.).

Познание действительности через Я. ставит проблему соотношения всеобщего и национально-специфического в языковой репрезентации мира. Универсальные свойства [картины мира](#) обусловлены тем, что любой Я. отображает в структуре и семантике осн. параметры мира (время и пространство), восприятие человеком действительности, её нормативную оценку, положение человека в жизненном пространстве, духовное содержание личности и др. Нац. специфика проявляется уже в том, как, в какой степени и пропорции представлены в языках фундам. категории бытия. Рус. язык, напр., отдаёт предпочтение пространственному аспекту мира сравнительно с временным. Локальный принцип моделирования самых разных ситуаций приобретает в нём широкое распространение. Так, бытийные предложения, базирующиеся на идее пространственной локализации, приспособлены для сообщений о мире [«На свете счастья нет, / А есть покой и воля» (А. С. Пушкин)], фрагменте мира («В саду есть яблони»), личной сфере («У меня есть друзья и недруги»), физич. состояниях и свойствах («У меня бывают головные боли», «У неё было милое лицо»), психике («У мальчика есть характер»), предметах («У стула нет ножки»), событиях [«Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю» (А. С. Пушкин)], абстрактных понятиях («В теории есть противоречия») и т. д. В бытийном типе берёт своё начало выражение количественных, а также некоторых качественных значений («У нас много книг», «У девочки красивые глаза»). Дополнительным к локальному является принцип предметности. Мир – объективный и субъективный (макро- и микрокосмос), конкретный и абстрактный – моделируется как локус, характеризующийся предметным содержанием, причём имена предметов имеют неопределённую референцию: «Есть у меня один приятель», «Есть какое-то упоение в бою».

Принцип моделирования личной сферы отличает «языки бытия» (be-languages) от «языков обладания» (have-languages); ср.: «У мальчика есть друзья» и англ. The boy has friends, «У тебя нет сердца» и англ. You have no heart, «У меня сегодня собрание» и англ. I have a meeting today. В бытийных конструкциях имя лица не занимает позиции субъекта, в конструкциях с глаголами «иметь» (англ. to have) оно является подлежащим.

Бытийной основой рус. языка обусловлен ряд др. его особенностей: 1) распространённость локальных средств детерминации имени (ср. «У девочки голубые глаза» и «Глаза у девочки голубые»); 2) бóльшая развитость межпредметных, чем межсобытийных (временных), отношений (ср. парадигмы имён и глаголов); 3) активное использование локальных предлогов, приставок, наречий и т. п. для выражения временных и иных значений (ср.: «до угла» и «до полудня», «зайти за угол» и «засидеться за полночь», «предстоящие трудности», «предшествующий» период, «покамест» и т. п.; ср. также разг. «где-то около двух часов», «Он где-то интересный человек», «А тут вдруг произошло что-то странное»); 4) приоритетный статус зрительного восприятия перед слуховым (ср. развитие эпистемич. смыслов глаголом «видеть»); 5) развитость и тонкая дифференциация категории неопределённости (см. [Определённости-неопределённости категория](#)), характерной для бытийных структур (в рус. яз. имеется св. 60 неопределённых местоимений); 6) тенденция к вытеснению имён лица из позиции подлежащего и его оформлению косв. падежами [ср. «Он грустит» и «Ему грустно (взгрустнулось)»]; представление человека как локуса, в котором осуществляются психич. процессы и события [напр., «В нём кипела злоба»; «В вас этот вопрос не решён» (Ф. М. Достоевский) – ср. «Вы не решили этот вопрос»].

Существенный признак нац. языковой картины мира – пропорция, в которой отображены нормативные и аномальные явления. Для рус. языка с его яркой описат. семантикой характерна направленность на ненормативные признаки и явления; ср. следующие словообразоват. типы: «косолапый», «лобастый», «носатый», «безухий», «болтун», «лентяй», «ломака», «бродяга», «хитрюга», «приставала», «выпивоха» и пр.

Важный компонент национально-специфич. картины мира – т. н. ключевые концепты культуры. В рус. языке к ним принадлежат, в частности, понятия духовной сферы, нравств. оценок, суда, спонтанных (стихийных) состояний человека. С ними связаны такие фундам. для рус. языка слова, как «душа», «правда», «справедливость», «совесть», «судьба» («доля», «удел», «участь»), «тоска» и др. Частотность их употребления в рус. языке существенно выше, чем соответствующих слов в др. языках, напр. в английском; на 1 млн. словоупотреблений слово «судьба» встречается 181 раз, а англ. fate – 33 раза, destiny – 22. Одно из важных отрицательных понятий – концепт «пустоты». Со словом «пустой» связан широкий круг метафорич. значений («пустой человек», «пустая голова», «пустое занятие», «пустая отговорка», «пустые слова» и др.) и производных слов (напр., «пустомеля», «пустозвон», «пустопорожний», «пустоцвет» и др.).

Т. о., природа Я. принципиально двойственна. Я. в одно и то же время – система знаков, замещающих предметы речи (реальные и идеальные), и совокупность значений, сосредоточивших в себе духовный опыт людей (нации, человечества) – практич., нравственный, эстетич. и мифологический. Актуализуясь, слова способны обнаруживать разные стороны и глубины своего значения в зависимости от психологич. мира говорящего и типа дискурса (его целенаправленности). Вместе с тем, функционируя в режиме обратной связи, значения открыты для творчества. Вступая в контакты с внутр. миром субъекта речи, с одной стороны, и с действительностью – с другой, слова приобретают новые смыслы, [коннотации](#) и ассоциации. Исследование Я. как системы знаков ведёт к развитию структурных (формальных) методов анализа; изучение Я. как системы символов, за которыми стоит духовная жизнь людей, стимулирует разработку методов интерпретации текста (экзегезы, критики текста,

анализа поэтич. речи, герменевтики).

Будучи связанным с мышлением и психологией человека, его жизнью и разными формами деятельности, историей и самосознанием народов, их обычаями, обществ. структурами и законоуложением, отображая нац. специфику и культуру народов, являясь формой выражения для литературы и фольклора как видов искусства, выражая и оформляя науч. знание, будучи осн. источником наших сведений о внутр. жизни людей, обладая чувственно воспринимаемой формой, Я. входит в сферу исследовательской практики ряда гуманитарных и естеств. наук: философии, логики, истории, этнографии и антропологии, социологии, политологии, юридической науки, психологии и психиатрии (особенно психоанализа), филологии (литературоведения, поэтики, риторики), информатики, семиотики (общей теории знаков), педагогики, теории массовой коммуникации, физиологии мозга, акустики и др. отраслей знания. Я. во всей совокупности образующих его аспектов является непосредств. объектом изучения для языкознания, внутри которого, с одной стороны, существуют области, пограничные со смежными науками (психолингвистика, социолингвистика, экспериментальная фонетика и др.), а с др. стороны, выделяются школы и направления, внимание которых сосредоточено на к.-л. одном аспекте Я., принимаемом за его доминанту.

Литература

Лит.: Якоб Л. Г. Курс философии для гимназий Российской империи. СПб., 1812. Ч. 2: Начертание всеобщей грамматики; Becker K. F. Organism der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik. 2. Ausg. Fr./M., 1841; Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М., 1860; Тулов М. А. Обзорение лингвистических категорий. К., 1861; Потебня А. А. Мысль и язык. Хар., 1913; он же. Из записок по русской грамматике. М., 1958–1985. Т. 1–2; Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955; Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1; Уорф Б. Л. Отношение нормы поведения и мышления к языку // Там же; Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca; N. Y., 1967; Платон. Соч. М., 1968. Т. 1; Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970; Козлова М. С. Философия и язык: Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в. М., 1972; Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972; Соссюр Ф. де. Тр. по языкознанию. М., 1977; Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985; он же. Избр. тр. по языкознанию. 2-е изд. М., 2000; Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988; Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. N. Y., 1992; Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994; Язык и наука конца 20 в. М., 1995; Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. 2-е изд. М., 2000; Блумфилд Л. Язык. 2-е изд. М., 2002; Вандриес Ж. Язык. М., 2004; Есперсен О. Философия грамматики. 3-е изд. М., 2006; Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. 4-е изд. М., 2007; он же. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. 3-е изд. М., 2015; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. 6-е изд. М., 2009; Бенвенист Э. Общая лингвистика. 4-е изд. М., 2009; Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. 2-е изд. М., 2010; Флоренский П. А. Имена. М., 2011; Пауль Г. Принципы истории языка. 2-е изд. М., 2014; Сепир Э. Язык. 2-е изд. М., 2016. См. также лит. при статьях Речь, Функции языка, Язык и общество, Языкознание.